

Народная артистка
В. Н. Пашенная

Народная артистка
В. О. Массалитинова

Народная артистка
В. Н. Рыкова

тельную неудачу постановщика—„перекладывателя“ пьес Островского, покрывала блистательная удача старой гвардии Малого театра, ярко, сочно и правдиво игравшей Островского по Островскому и по старику Садовскому.

А вокруг них шумела—свежо и чутко, с хорошим молодым созвучием столетней реалистической песни—молодая поросль Малого театра—А. Н. Лыткина, С. Н. Фадеева, А. П. Коротков, С. М. Чернышев и др.

Андрея Титича Брускова играл Н. И. Рыков, потомок двух актерских династий Малого театра—рыжовской (сын И. А. Рыкова) и музильевской (по матери—племянник П. И. Музиля). Бодрая живость и здоровая веселость, чем так радуется молодой Рыков—это бодрое дедовское и материнское наследие. Островский, как только увидел молодого Музиля, оставил за ним раз навсегда всех „простаков“ своих комедий, которые, как правило, шли в его же бенефис. Иная неожиданная улыбка застенчивого милейшего Андрея Титича—Н. Рыкова, несомненно идет от школы „Музелей“: в ней та же суетная тревога молодости в ней та же юность, расправляющая свои крылья к первому полету, что была когда-то у молодой „Музиль-1-ой“—В. Н. Рыковой. Смотришь Н. Рыкова в *Непутевом* („На бойком месте“)—и поневоле не без радости думаешь: так играл гуляк, „простаков“ Островского дед Н. И. Музиль: со звенящим ухарством, с внутренним комизмом, которому раздолье в водевиле, но который

Заслуженная артистка
Е. Д. Турчанинова

у Островского, как и у черного ему артиста, стянут крепким ремешком бытовой правды и социальной достоверности.

„Так, должно быть играл“... нет, конечно, не „играл“, а только начинал играть.—Н. И. Рыкову еще явно не хватает того, чем был богат дед и чем щедро наделена мать: точности и тонкости сценического рисунка, законченной отшлифовки деталей.

Н. И. Рыков, и теперь дает яркого, пахнущего помещичьей черпоземной глушью *Митрофанушку* („Недоросль“), но это еще далеко не дедов знаменитый Митрофан: „не болван, не наби-

тый дурак, а зародыш будущего изверга“, по выражению А. Н. Баженова, без „одной улыбки“, без „одного мягкого взгляда“ и со „страшной злостью в словах и в жестах“. Николаю Рыкову пока еще слишком весело в его „Митрофанушке“, надо, чтобы ему стало в Митрофане так же *серьезно и буднично*, как его делу: тогда нам, зрителям, станет страшно: фовизмизмский комизм—в нем „смешное граничит с ужасным“. Для такого, исторически страшного Митрофана (Митрофаны ведь владычествовали над миллионными крепостными душой) у Н. Рыкова есть две возможности. Он типичный *характерный* актер: жизнь плечет его к себе своей шумной многоликостью, и когда пестроте красок будет у него соответствовать правдивая сложность приемов сценического рисунка, в Малом театре будет одним большим актером больше.

У *Сашинь-Никольского* нет генеалогической близости с Малым театром, но у него несомненное театральное родство с такими мастерами сцены, как покойный В. А. Макшеев и здравствующий Н. К. Яковлев. Это—актер, который дышит полным дыханием: лишь тогда, когда прикасается к земле, к труду и поту действительности. В макшеевской роли „3-го мужика“ в „Плодах просвещения“ (теперь, с революцией, он получил на афише Малого театра „мял-отчество“: Митрий Власыч) артист не впадал в обычный для исполнителя этой роли соблазн чудаконной потешности и не соблазнился пуститься в этой роли в чисто этнографическую